

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 81'37(045)

Поступила в редакцию 07.03.2017

Received 07.03.2017

Н. В. Зиневи́ч*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь***ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ОБОБЩЕНИЯ
В НАУЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ**

Аннотация. Во введении настоящей статьи показывается значение мыслительной операции обобщения в гносеологии и лингвистике, а именно ее роль в процессе познания окружающей действительности и передаче его результатов средствами языка. Цель статьи – уточнить категориальный статус обобщения с интердисциплинарных позиций и представить комплексный анализ средств его материальной реализации в научном тексте. В основной части проводится сопоставление категориального статуса обобщения в лингвистике и философии. Как показал анализ, в обеих науках обобщение рассматривается в качестве одной из центральных категорий, которая активно участвует в выделении других категорий, что позволяет приписать ей метакатегориальный статус. Характерной особенностью лингвистической категории обобщения является ее план выражения, который зачастую рассматривается с позиций теории поля. В дополнение к традиционно выделяемым языковым уровням функционально-семантического поля обобщенности предлагается учитывать уровень текста, основной единицей которого является обобщающее высказывание выводного характера. Как показало исследование, план содержания таких высказываний в значительной мере предопределяется контекстуально старой информацией, но вместе с тем может содержать кванты нового знания. В заключении статьи делаются выводы об особенностях функционирования обобщающих высказываний в научном тексте. Подчеркивается, что такие высказывания являются по своей природе динамичными единицами, которые не только обеспечивают связность и интеграцию научного текста, но и активно участвуют в механизме текстообразования.

Ключевые слова: обобщение, категория, функционально-семантическое поле, обобщающее высказывание выводного характера, текст, научный текст, текстообразование

Для цитирования: Зиневи́ч, Н. В. Текстообразующий потенциал категории обобщения в научном произведении / Н. В. Зиневи́ч // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 65–74.

N. V. Zinevich*Minsk Linguistic University, Minsk, Belarus***TEXT FORMATION POTENTIAL OF THE GENERALIZATION CATEGORY
IN A SCIENTIFIC WORK**

Abstract. The paper looks into the functional potential of generalization as highlighted in different scientific fields. It has been revealed that generalization plays a very significant role in the theory of cognition, linguistics and science in general. Thus, generalization proves to be an indispensable factor in understanding the world, naming new phenomena and ensuing information interchange. The highly abstract character of generalization has let scholars refer to it as a high-level category, which, as the analysis shows, can be attributed with a metacategorical status. In linguistics the category of generalization, though having a distinct semantic background, can find versatile ways of its formal manifestation, which have been traditionally viewed as a functional-semantic field. The paper suggests that among the conventionally recognized language levels of the field there should be identified the level of text, which is best represented with generalizing utterances – sentences, whose major aim is to recap preceding information and convey it in a condensed form. It has been shown that such utterances can perform a wide range of functions in the text, with text formation being the leading one.

Keywords: generalization, category, functional-semantic field, generalizing utterance, text, scientific text, text formation

For citation: Zinevich N. V. Text Formation Potential of the Generalization Category in a Scientific Work. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 65–74 (in Russian).

Введение. В основе познавательной и языковой деятельности человека лежат сходные когнитивные операции, важную роль среди которых играет *обобщение*. Во многом благодаря способности обобщать информацию человек существенным образом продвинулся в познании и освоении окружающей действительности и, как результат, в своем эволюционном развитии [1; 2].

Можно сказать без преувеличения, что операция обобщения задействуется во всех аспектах рече-мыслительной деятельности человека: от называния различных предметов и процессов (номинации) до последующего обмена информацией (коммуникации). Так, при назывании человек выбирает наиболее значимые характеристики объектов и отвлекается при этом от нерелевантных частных особенностей. Более того, само имя носит обобщающий характер, поскольку представляет не единичные сущности, а целые классы сходных объектов [3; 4].

С точки зрения успешности коммуникации важно то, что обобщение непосредственно участвует в механизмах порождения и восприятия речевого целого. Так, с одной стороны, построение любого высказывания осуществляется на основе общего замысла автора, который в процессе объективации на текстовом пространстве должен определенным образом развиваться и дополняться новыми смыслами [5]. С другой стороны, понимание целого произведением адресатом происходит с опорой на наиболее значимые (общие) моменты, которые он для себя выделяет [6]. Иначе говоря, язык является не только инструментом познания, но и средством хранения и передачи полученной информации, что в значительной степени связано с действием обобщающего механизма.

Таким образом, закономерно, что обобщение всегда находилось в центре пристального внимания философов и лингвистов. Тем не менее, учитывая важность и общенаучный характер данного понятия, представляется теоретически целесообразным уточнить онтологический статус обобщения с интердисциплинарных позиций, обозначив его место и роль в категориальном аппарате философии и лингвистики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, отражается ли специфика обобщения на выборе средств его вербализации и их функционировании на разных языковых уровнях. Такой ракурс исследования особенно актуален в отношении уровня текста, поскольку специальных исследований в этой области еще недостаточно и требуется комплексный анализ обобщающих высказываний, уточняющий, в частности, как их планы содержания и выражения определяются характером предтекста. Таким образом, всестороннее изучение средств поверхностной реализации обобщения целесообразно не только в теоретическом, но и практическом отношении, поскольку владение максимально полным набором обобщающих маркеров может существенно помочь при создании эффективных общений, что особенно важно в современной ситуации информационной избыточности и в обучении студентов созданию научных текстов разных жанров – статьи, реферата, аннотации, рецензии.

1. Обобщение как предпосылка формирования научных категорий. Развитие человека как вида напрямую связано с постоянным совершенствованием способов познания и освоения окружающей действительности. Вместе с тем накопление разнообразного опыта взаимодействия с внешним миром вряд ли было бы возможно без навыков упорядочения и систематизации новой информации [7; 8]. Поэтому все бесконечное многообразие познаваемых объектов и явлений человек вынужден определенным образом ограничивать, абстрагируясь (отвлекаясь) от нерелевантных частных особенностей и акцентируя наиболее существенные стороны познаваемой действительности [1; 2]. Тем самым в успешном усвоении и обработке информации первостепенную роль играет мыслительная операция *обобщения*.

В связи с разделением жизнедеятельности человека на отдельные сферы и соответственным выделением различных типов общественного сознания можно говорить о том, что обобщение может происходить на различных уровнях абстракции [9]. Так, если для обыденного сознания в большей степени характерно формирование отдельных *понятий*, отражающих отличительные признаки познаваемых объектов, то для научно-теоретического более важны *категории* – «наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [10, с. 240]. Отсюда следует, что категория, в отличие от понятия, является более общей формой мышления, а именно «способом существования объекта в научно-теоретическом сознании» [11, с. 24].

История использования понятия «категория» в научном терминологическом аппарате насчитывает несколько тысячелетий и, как полагают исследователи, берет свое начало в одноименном трактате Аристотеля [12; 13]. Так, древнегреческий философ выделял такие категории, как *сущность, количество, качество, действие* и др. Вместе с тем в труде отсутствует четкое определение категории, а объяснение предваряется общим описанием: «Из сказанного без какой-либо связи каждое означает <...>» [14]. Многочисленные попытки интерпретировать данную фразу привели к появлению целого ряда толкований, варьирующихся от отождествления категории со словом до ее представления в качестве «высшего рода бытия» [12]. Однако, несмотря на серьезные разночтения, практически во всех попытках объяснить Аристотелевскую мысль присутствует указание на то, что категория представляет собой результат того или иного отвлечения от частных, единичных, фактов и сведения их к более общим проявлениям, т.е. является результатом обобщения.

В качестве традиционных примеров логико-философских категорий можно привести такие, как *бытие, материя, время, количество, качество, единичное, общее, причина, следствие* и т.д. Все они являются понятиями максимально общего характера и лежат в основе философии как науки. К данному списку необходимо добавить и *обобщение*, которое, по мнению Г. Н. Кондратьевой, также представляет собой одну из важнейших мыслительных категорий [15].

Таким образом, с одной стороны, обобщение как мыслительная операция непосредственно участвует в формировании всех других научных категорий, помогая отвлечься от нерелевантных частных и выделить наиболее существенные (общие) свойства объективного мира, а с другой – оно само является логико-философской категорией. Отсюда можно сделать вывод не только о высокой значимости обобщения в философии и гносеологии, но и о его **метакатегориальном** статусе.

2. Понятие категории в языкознании. Уже ставший аксиоматичным постулат о неразрывной связи языка и мышления традиционно доказывается тем фактом, что язык является наиболее эффективным средством хранения и передачи мыслей. Однако не менее существенным в этой связи представляется и положение о том, что в основе мышления и языка лежат сходные механизмы, которые зачастую являются зеркальным отражением друг друга. Одним из таких механизмов является обобщение, базовым продуктом которого в мыслительной деятельности считается понятие, а на уровне языка – слово [8, с. 70–75].

Что касается освещения логических и языковых сущностей с более высоких научно-теоретических позиций, то и здесь будут прослеживаться определенные аналогии, поскольку «система логических категорий, как правило, соответствует системе грамматических категорий, и, наоборот, грамматическая структура языка соответствует логической структуре мыслей» [8, с. 79]. Таким образом, закономерности мыслительного процесса естественным образом отражаются в языке, а логико-философские категории становятся базовыми понятиями для выработки категорий языковых [16].

Обратимся к определению языковой категории, предложенной Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым, которые под ней понимают «любую группу языковых элементов, выделяемую на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [17, с. 215]. Как видно, по сравнению с философским определением категории, указание на наличие некоторого существенного признака здесь дополняется тем, что он лежит в основе объединения языковых единиц в некоторые общие группы. Тем самым в определении языковой категории учитывается не только мыслительная деятельность человека по выявлению существенных характеристик объективного мира, но и особенности строевого состава языка, который призван эти признаки объективировать.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что при толковании категории в философии и лингвистике делается акцент на разных аспектах, которые, тем не менее, пересекаются. Единым для многочисленных определений категории является общий характер содержательного признака, лежащего в ее основе. Кроме того, в языковых категориях обобщение происходит в отношении строевых единиц языка, которые объединяются на основе определенных содержательных признаков в те или иные классы.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что категория обобщения играет первостепенную роль в формировании как логико-философских, так и языковых категорий, что позволяет приписать ей не только метакатегориальный, но и **метанаучный** статус.

3. Категория обобщения в языкознании. Остановимся подробнее на уточнении места обобщения в категориальном аппарате современного языкознания. С одной стороны, обобщенность рассматривают как одну из структурно-семантических категорий, доказывая это необходимостью учета как содержательной, так и формальной стороны языковых знаков, участвующих в его реализации. При этом многие авторы делают важную оговорку о том, что в случае признания обобщения категорией структурно-семантической необходимо, тем не менее, учитывать ее ярко выраженную семантическую доминанту [15].

С другой стороны, обобщение может позиционироваться как чисто семантическая (функционально-семантическая) категория [18], где на первый план выходит соответствующая семантическая функция, которая прежде всего соотносится с отражающим внеязыковую действительность мыслительным содержанием, а не с формальной стороной его выражения.

Таким образом, основное различие между двумя точками зрения заключается в том, что в структурном подходе форма и содержание неразрывно связаны, взаимно определяя друг друга, а в семантическом – первично содержание, которое в дальнейшем находит соответствующие формы выражения.

Несмотря на принципиальные различия между структурным и семантическим подходами, у них есть и некоторые сходства. Во-первых, в обеих концепциях описание плана выражения категорий обычно происходит с точки зрения теории поля, построенного с помощью разноуровневых языковых единиц и разделенного на ядро и периферию, – сегменты, содержащие языковые единицы, в большей или меньшей степени приспособленные для выражения той или иной семантической категории [19]. Во-вторых, независимо от ракурса рассмотрения категории обобщенности, при ее анализе во главу угла ставится семантическая составляющая. Так, общепризнанно, что специфичным только для данной категории является набор таких семантических признаков, как «совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность» [15].

4. Полевая организация категории обобщения. Остановимся подробнее на строении функционально-семантического поля (ФСП) обобщения. В качестве основных языковых уровней, чьи средства участвуют в выражении данной категории, традиционно выделяются морфологический, лексический, синтаксический, а также промежуточные межуровневые варианты (лексико-морфологический, лексико-синтаксический и т.п.) [18; 20–21]. Примеры конкретных разноуровневых средств, участвующих в реализации категории обобщения, представлены в таблице.

Языковая реализация категории обобщения
Linguistic realization of the generalization category

Языковой уровень	Ядерные средства	Периферийные средства
Морфологический	– вневременное настоящее – артикль в генерализующей функции – нейтрализация оппозиции единичности / множественности (<i>Что волка не корми, он все в лес смотрит</i>)	– некоторые спрягаемые формы глагола, напр. 2 л., наст. вр. (<i>никогда не знаешь</i>)
Лексико-морфологический	– определительные (обобщительные) местоимения (<i>все, всё, каждый, любой, всякий</i>) – местоименные наречия (<i>всюду, везде, всегда</i>)	– неопределенные местоимения (<i>что-то, кто-то, кто-нибудь, кое-что</i>) – наречия и наречные слова (<i>обычно, часто</i>)
Лексический	–	– имена со значением широкого класса предметов (<i>люди, человечество</i>) – лексические единицы с семантическим признаком неопределенной количественности (<i>различные, многие</i>)
Синтаксический	– автономные синтаксические единицы, соответствующие формуле «все – везде – всегда» (<i>Цыплят по осени считают</i>)	– безличные предложения

Разделение языковых средств выражения обобщенности на ядерные (типизированные) и периферийные (нетипизированные) связано, соответственно, с их способностью передавать семантику обобщенности в большей или меньшей степени. Так, ядерными являются единицы, чья семантическая структура включает все специфические для данной категории семы («совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность»). К периферийным и промежуточным случаям будут относиться те, когда та или иная сема отсутствует или выражена недостаточно четко.

Различия в семантике языковых единиц напрямую определяются их связью с внеязыковой действительностью, что изучается в теории референции [22]. С данной точки зрения высказывание считается обобщающим, если в нем присутствует неререферентный (неконкретный) субъект, относящийся к некоторому предельно широкому классу объектов, и поэтому не связанный с четким референтом в окружающем мире. Например, определительные местоимения типа *все* обладают универсальной (или нулевой) референцией, поскольку представляют все множество обозначенных ими сущностей и не выделяют конкретных представителей. Соответственно, они удовлетворяют всем критериям значения обобщенности и относятся к ядерным средствам его выражения.

В то же время неопределенные местоимения типа *некоторый*, хотя и не конкретизируют своих субъектов, но ограничивают их количество и сужают диапазон референта до некоторой группы. Как результат, неопределенные местоимения относятся к периферийным средствам выражения обобщенности.

Что касается организации ФСП обобщения, то необходимо отметить, что членение, соответствующее основным уровням языка, в значительной степени условно. Дело в том, что чаще всего единицы различных уровней налагаются друг на друга, образуя синкретичные варианты (лексико-морфологический, лексико-синтаксический и т.п.) [15; 21].

Более того, любые средства функционируют не изолированно, а в некоторых речевых отрезках, минимальным из которых на письме является предложение. Соответственно, можно сказать, что синтаксический уровень в данном случае является ведущим, поскольку «синтезирует средства выражения обобщенного значения других уровней языка» [21, с. 20].

Рассмотрим в качестве примера предложение *Всякий кулик свое болото хвалит*. Субъект данного высказывания (*Всякий кулик*) является неререферентным, поскольку соотносится с любым возможным деятелем. Неконкретность субъекта подчеркивается использованием формы единственного числа, которая в данном окружении берет на себя функцию выражения обобщенной множественности, акцентируя тем самым типичного представителя рода. Определительное местоимение *всякий* подчеркивает универсально-обобщающий характер субъекта высказывания. С помощью предиката *хвалит* обобщенному субъекту приписывается признак общего, постоянного характера, чему способствует форма вневременного настоящего соответствующего глагола. Под влиянием окружения притяжательное местоимение *свое* также начинает обозначать принадлежность не конкретному, а обобщенному лицу. Таким образом, видно, что на синтаксическом уровне происходит консолидация разноуровневых единиц, задействованных в выражении значения обобщенности, благодаря чему реализуется ядерная модель обобщения «*все – везде – всегда*».

5. Реализация обобщенности на уровне текста. Как было показано выше, при рассмотрении средств выражения категории обобщенности исследователи традиционно ограничиваются основными уровнями языка и их комбинациями. Вместе с тем закономерно возникает вопрос: возможно ли дальнейшее расширение ФСП обобщенности, например, за счет привлечения единиц текстового порядка?

Безусловно, нельзя не учитывать принципиальное отличие текста от единиц других уровней: по большей части текст является динамично развивающейся сущностью, которая отражает процессуальный характер своего создания, развертывания и восприятия [23]. Учет динамической природы текста привел многих исследователей к признанию его в качестве единицы не языка, а речи [16].

Вместе с тем, как показало исследование 40 научных лингвистических статей на английском языке и 65 статей на белорусском языке, на текстовой поверхности регулярно появляются высказывания, логически вытекающие из предшествующих фрагментов и обобщающие их в краткой форме. Так, в проанализированном корпусе было обнаружено 692 подобные единицы в англоязычных лингвистических текстах и 670 в белорусскоязычных.

Проиллюстрируем сказанное с помощью примера: *Нягледзячы на тое, што падыходы да прадстаўлення структуры сказа ў розных вучоных у нечым разыходзіліся, відавочна, што за тэрміналагічнай разнастайнасцю – формула, мадэль, структурная схема – хаваецца агульнае для ўсіх імкненне да пошуку пэўнага абстрактнага шаблону, згодна з якім будуюцца сказы* [Т. Ш., с. 108–109]. Данное обобщение суммарно определяется следующими высказываниями в предшествующем контексте: 1) *Ц. П. Ламцёў <...> вызначыў структуру сказа як паслядоўнасць форм слоў, пры дапамозе якой перадаецца структура інфармацыі;* 2) *<...> Гэта дазволіла вучонаму сфармуляваць патрабаванне, якое павінна прад'яўляцца да сімвалічнага адлюстравання структуры сказа – яго формулы, або мадэлі <...>;* 3) *<...> у кнізе В. І. Кодухава <...> формула называецца адным з асноўных невербальных спосабаў запісу мадэлі <...>;* 4) *Згодна з «Грамматикой современного русского литературного языка» <...>, структурнай схемай сказа называецца мінімальна, неразвітая, граматычна дастатковая структура – абстрактны шаблон, на якому можна пабудаваць сказ;* 5) *Пры параўнанні структурнай схемы сказа ў Граматыцы – 70 з формулай (мадэллю) структуры сказа, распрацаванай Ц. П. Ламцёвым, выяўляецца падабенства ў спосабе невербальнага запісу.*

Высказывания, чьей основной функцией является обобщение значимой информации предшествующих фрагментов, занимают одну из важнейших позиций среди всех функционально-семантических типов высказываний в тексте. Такие единицы выступают носителями наиболее важной содержательно-концептуальной информации как всего произведения, так и его составных частей [6; 16].

Чтобы однозначно определить высказывание, логически следующее из обобщаемого фрагмента и в то же время представляющее его содержание в сжатом виде, в данной работе предлагается использовать термин *обобщающее высказывание выводного характера (выводное обобщение)*.

Высокую употребительность обобщающих высказываний выводного характера в научном тексте в первую очередь можно связать с его стилиевой спецификой, которая предполагает обязательное наличие эксплицитных сигналов, демонстрирующих ход рассуждения автора и помогающих ему четко представить собственную позицию, а читателю – повысить эффективность ее восприятия [24; 25].

Остановимся подробнее на структурно-семантическом и функциональном своеобразии текстового уровня ФСП обобщенности. Прежде всего, необходимо продемонстрировать отличия обобщающих высказываний выводного характера от единиц, реализующих категорию обобщенности, не выходя за пределы синтаксического уровня, – собственно обобщающих высказываний.

Семантика обобщающего высказывания как единицы синтаксической ограничена его собственными рамками. По большому счету, чтобы определить высказывание *Всякий кулик свое болото хвалит* как обобщающее, обращение к контексту необязательно: реализация формулы «*все – везде – всегда*» достигается средствами, содержащимися в самом высказывании. В этом свете закономерно, что такие единицы обладают высокой долей автосемантической [16].

Что касается текста, то, как уже отмечалось, он является единицей динамического плана. То же самое должно относиться и к его компонентам, которые по определению также должны обладать подвижным характером. Обобщающие высказывания выводного характера наглядно демонстрируют данную особенность: вытекая из предтекста, они четко указывают на вектор развития научного текста – от конкретных фактов к общим выводам. Такие обобщения тесно связаны со своими обобщаемыми фрагментами и *a priori* зависят от них, всецело ими определяясь как в семантическом аспекте, так и в структурном [26].

Проанализируем подробнее поверхностные связи выводных обобщений и обобщаемых ими фрагментов. Как показал анализ фактического материала, обобщающие высказывания выводного характера всегда так или иначе формально определяются предтекстом. В этой связи вновь уместно прибегнуть к теории ФСП и разделить текстовые средства создания обобщенности на «ядро» и «периферию». В таком случае ядром будут считаться высказывания, чья форма в максимальной степени приближена к обобщаемым фрагментам. Соответственно, их уместно назвать эквивалентными. Периферия будет формироваться обобщениями, связанными с предтекстом опосредованно, что позволяет их квалифицировать как неэквивалентные [26].

Эквівалентныя выводныя абабшчэння паўтараюць адзін з сваіх анцэдэнтаў, захоўваючы пры гэтым у цэласці яго структуру, склад удзельнікаў і звязваючы іх адносіны. Напрыклад, адно з высказыванняў ісходнага фрагмента <...> *the IS domain would appear entangled around clause boundaries* 'По-видимому, область действия информационной структуры охватывает границы предложений' паўтараецца без суттэльных структурна-семантычных пераўтварэнняў у заключальнай частцы артыкула ў наступным выглядзе: *As a consequence, IS appears entangled around clauses* [L. P., p. 339, 348]. Як відаць, у эквівалентных абабшчэннях пераважна змяшчаецца кантэкстуальна старое веданне.

Здэсь узнікае заканамерны пытання аб цэласообразнасці практычна дословных паўтараў. Толькі на першы выгляд можа паказацца, што эквівалентныя абабшчэння інфармацыйна збыточныя. На самам справе яны выконваюць важныя функцыі ў тэксце. Так, во-першых, паўтараў могуць сведчыць аб канцэптуальнай значнасці перадаванага зместу і выкарыстоўвацца ў мэтах яго дапаўняльнай акцэнтацыі [16]. А во-другіх, «остравкі» зноймай інфармацыі спрыяюць тэкстовай звязнасці, паколькі з'яўляюцца агульнай базой для сведчання вядомага розных адцяпкоў тэксцта, што ў канчатковым ліку забяспечвае тэкставую інтэграцыю [6].

План выражэння *неэквівалентных выводных абабшчэнняў* у сваю ачэрэд уключае не толькі кантэкстуальна старое веданне, но і элементы новай інфармацыі: *Такім чынам, у тэксцтах першаадрукара шырока прадстаўлены адасобленыя азначэнні, якія вызначаюцца разнастайнымі структурнымі ўласцівасцямі і сродкамі фармальнай арганізацыі*. Даннае абабшчэнне ў зжатам і суттэльна пераўтвараным выглядзе суміруе змест наступных анцэдэнтаў: *Сярод прадстаўленых у перакладах Скарыны адасобленых дадзеных членаў сказа <...> пераважаюць адасобленыя азначэнні. <...> Дапасаваныя азначэнні выражаюцца галоўным чынам прыметнікавымі і дзеясловавымі зваротамі, якія займаюць выключна постпазіцыйнае становішча да галоўнага слова <...>. У залежнасці ад канструкцыйных уласцівасцей у тэксцтах Скарыны магчыма вылучыць тры схемы будовы азначальных зваротаў. Па-першае, дзеясловавы або прыметнікавы атрыбутыўнага зварота знаходзіцца адразу ж пасля слова, якое азначаеца ім <...>. Па-другое, дзеясловавы або прыметнікавы ў складзе адасобленага азначальнага зварота аддзяляюцца ад слова, якое паясняецца, іншымі кампанентамі зварота <...>. Па-трэцяе, азначаемае слова або словы аддзяляюцца ад атрыбутыўнага зварота другімі членамі сказа <...>. <...> Трэба адзначыць, што азначальныя звароты ў перакладах Скарыны могуць знаходзіцца як у сярэдзіне, так і ў канцы сказа* [С. Р., с. 41–46].

Асноўнымі відамі лексічных пераўтварэнняў кантэкстуальна старога ведання пры постройцы неэквівалентных абабшчальных высказыванняў з'яўляюцца: абабшчальныя слова-гіперонімы, прылагательныя со значеннем тыпічнага прызнака (*typical; стэрэатыпны*), адрэделітэльныя універсальныя месцаімяны (*all; любы*), лексіка со значеннем неадрэделенага лічбы (*various; некаторыя*) і др. Як відаць, кантэкстуальна новая лексіка ў выводных абабшчэннях во многім перасякаецца со сродствамі стварэння ФСП абабшчальнасці на саответсвуючым языковым узроўні (табліца).

Что касаецца сінтаксічных змяненняў, затрагіваных абабшчальнымі фрагментамі неэквівалентных абабшчальных, то зачасцую гэты выпадак, кога нескількі разрозненых ў прадтэксце структур аб'яднаюцца ў адну. Напрыклад, ў абабшчэнні *Праведзены аналіз паказвае, што вялікая сэнсавая і эмацыянальная насычанасць колеравай лексікі вызначае яе актыўнае выкарыстанне Нілам Гілевічам не толькі ў якасці сродку намінацыі, але і сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак* выражэння ў якасці сродку намінацыі і ў якасці сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак ў рэзультате зжатыя нескількі ісходных высказыванняў ў адно становяцца раўнапраўнымі членамі новай канструкцыі і іграюць ролю аднародных абстаўтэльстваў. Аднако ў абабшчальным фрагмента гэты фразы іспользаваліся ў розных высказываннях: *Колеракод «шэры» <...> паэт ужывае і ў якасці сродку намінацыі <...>; Паўтарэнне прыметніка «белы» <...> ужываецца і ў якасці сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак рэчаіснасці* [І. Н., с. 107].

Неэквівалентныя абабшчальныя высказыванні выконваюць важныя функцыі ў тэксце. Багадаря элементам кантэкстуальна старога ведання яны, як і эквівалентныя абабшчэння, спрыяюць тэкстовай звязнасці. Вмесце с тэм прысутсцьвае кантэкстуальна новага ведання дазваляе неэквівалентным абабшчэнням удзельнічаць ў прадвядзенні тэксцта, яго папаступальным развяддэнні [6].

Таким образом, как эквивалентные, так и неэквивалентные выводные обобщения демонстрируют очевидную формально-содержательную зависимость от предтекста, способствуя тем самым текстовой связности и интеграции. При этом динамично актуализируется ход мысли автора и, как результат, достигается постепенное развертывание текста. В отличие от обобщающих высказываний как единиц чисто синтаксического уровня, выводные обобщения как единицы текстового порядка демонстрируют семантику обобщенности не как статическую данность, ограниченную рамками самого высказывания, а как динамичный переход от единичных фактов в обобщаемых фрагментах к более общим закономерностям.

Заключение. Таким образом, в основе обобщения лежит переход от частных, единичных фактов к более общим закономерностям. Как в философии, так и в языкознании обобщение рассматривается в качестве особой категории, которая занимает уникальное место в научном категориальном аппарате. С одной стороны, как и в других категориях, в его основе лежит выделение некоторого существенного признака объективной действительности. С другой стороны, обобщение обладает метакатегориальным статусом, поскольку обобщающий механизм предопределяет все другие категории, помогая при их создании отвлечься от нерелевантных частных и выделить наиболее существенные свойства объективного мира.

При рассмотрении категории обобщения в языкознании акцент делается на его плане содержания, где в качестве различительных признаков выделяются «совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность». План выражения данной категории целесообразно рассматривать с точки зрения теории поля, дающей комплексное представление о ее материальной стороне. Помимо традиционно выделяемых языковых уровней, задействованных в актуализации обобщения (морфологического, лексического, синтаксического), в функционально-семантическом поле обобщения уместно выделение уровня текста, основными единицами которого являются обобщающие высказывания выводного характера – высказывания, отражающие динамическую сущность текста, логически следующие из обобщаемого фрагмента и представляющие его содержание в сжатом виде. В зависимости от степени сохранения/модификации информации предтекста функциональный диапазон обобщающих высказываний выводного характера варьируются от обеспечения текстовой связности и интеграции до участия в поступательном продвижении текста, т.е. в текстообразовании.

Источники примеров

1. L. P. – Polanyi, L. Discourse structure and sentential information structure / L. Polanyi, M. van den Berg, D. Ahn // *J. of logic, lang. a. inform.* – 2003. – № 12. – P. 337–350.
2. С. Р. – Рапацэвіч, С. Я. Адасобленыя азначэнні ў пражскіх выданнях Францыска Скарыны / С. Я. Рапацэвіч // *Беларус. лінгвістыка.* – 2002. – Вып. 52. – С. 41–46.
3. І. Н. – Навасельцава, І. І. Лексіка са значэннем колеру ў мове паэзіі Ніла Гілевіча / І. І. Навасельцава // *Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2006. – № 2. – С. 100–107.

Список использованных источников

1. Горский, Д. П. Обобщение и познание / Д. П. Горский. – М.: Мысль, 1985. – 208 с.
2. Сачков, Ю. В. Процессы обобщения в синтезе знаний / Ю. В. Сачков // *Синтез современного научного знания: сб. ст. / Науч. совет по филос. вопр. соврем. естествознания. Ин-т философии АН СССР; редкол.: В. А. Амбарцумян [и др.].* – М.: Наука, 1973. – С. 421–446.
3. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
4. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
5. Dijk, van T. Narrative macrostructures / T. van Dijk // *PTL: A j. for descriptive poetics a. theory of literature.* – 1976. – № 1. – P. 547–568.
6. Данилевская, Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская; под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. – 144 с.
7. Харитончик, З. А. Категоризация и дифференциальные признаки / З. А. Харитончик // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избр. тр.* – Минск: МГЛУ, 2004. – С. 142–148.
8. Кузьмин, В. Ф. Философская категория сознания и современная наука / В. Ф. Кузьмин. – М.: Высш. шк., 1964. – 130 с.
9. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
10. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

11. Федорищенко, А. И. Понятие «Категория» (Диалектико-материалистический анализ историко-философской традиции) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А. И. Федорищенко ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1981. – 24 с.
12. Угланова, И. А. Рассуждения о системе категорий Аристотеля [Электронный ресурс] / И. А. Угланова // Перм. гос. ун-т. – Режим доступа: http://psychosocling.narod.ru/uglanova_Aristotel.htm. – Дата доступа: 11.02.2017.
13. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М. : Высш. шк., 1976. – 543 с.
14. Аристотель. Категории [Электронный ресурс] / Аристотель // Библиотека сервера философ. фак. МГУ. – Режим доступа: www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt. – Дата доступа: 01.02.2017.
15. Кондратьева, Г. Н. Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке / Г. Н. Кондратьева. – М. : Прометей, 1993. – 198 с.
16. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е. – М. : УРСС, 2007. – 144 с.
17. Булыгина, Т. В. Категория / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 215–216, 385–386.
18. Сластинова, Т. В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. В. Сластинова. – М., 1992. – 155 л.
19. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 352 с.
20. Васильева, Е. А. Референциальные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. А. Васильева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 20 с.
21. Платонова, Е. Н. Грамматические средства создания обобщенного значения в языке пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Платонова ; Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 21 с.
22. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2001. – 287 с.
23. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
24. Троянская, Е. С. К вопросу о «связности» научного текста и эксплицитности выводного суждения (на материале немецкого языка) / Е. С. Троянская // Иностраный язык для научных работников: Теория и практика преподавания / каф. иностр. яз. АН СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1978. – С. 212–230.
25. Mann, W. C. Rhetorical structure theory: description and construction of text structures. *Natural language generation* / W. C. Mann, S. A. Thompson // *New results in artificial intelligence, psychology and linguistics* ; ed.: G. Kempen. – Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. – P. 85–95.
26. Зиневич, Н. В. Ретроспективные связи обобщающих высказываний / Н. В. Зиневич // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. I: Филология. – 2013. – № 1 (62). – С. 41–50.

References

1. Gorskii D. P., *Obobshchenie i poznanie* [Generalization and cognition], 1985, Mysl, Moscow, RU.
2. Sachkov Iu. V., “The processes of generalization in knowledge generation”, *Sintez sovremennogo nauchnogo znaniia* [The generation of modern scientific knowledge], 1973, Nauka, Moscow, RU, pp. 421–446.
3. Ufimtseva A. A., *Tipy slovesnykh znakov* [Types of verbal signs], 2004, Editorial URSS, Moscow, RU.
4. Kolshanskii, G. V. *Kommunikativnaia funktsiia i struktura iazyka* [Communicative function and the structure of language], 3rd ed., 2007, LKI, Moscow, RU.
5. Dijk van T., “Narrative macrostructures”, *PTL: A j. for descriptive poetics a. theory of literature*, 1976, no. 1, pp. 547–568.
6. Danilevskaia N. V., *Variativnye povtory kak sredstvo razvertvyvaniia nauchnogo teksta* [Variable repetitions as a means of text progression], in Kozhina M. N. (ed.), 1992, PSU, Perm, RU.
7. Kharitonchik Z. A., “Categorization and differential features”, *Ocherki o iazyke. Teoriia nominatsii. Leksicheskaia semantika. Slovoobrazovanie* [Sketches on language. Theory of nomination. Lexical semantics. Word formation], 2004, MSLU, Minsk, BY, pp. 142–148.
8. Kuz'min V. F., *Filosofskaia kategoriia soznaniia i sovremennaia nauka* [The philosophical category of consciousness and contemporary science], 1964, Vysshiaia shkola, Moscow, RU.
9. Kubriakova E. S., *Iazyk i znanie* [Language and knowledge], 2004, Iazyki slavianskoi kultury, Moscow, RU.
10. Kondakov N. I., *Logicheskii slovar'-spravochnik* [A reference book on logic], 1975, 2nd ed., Nauka, Moscow, RU.
11. Fedorishchenko A. I., “The concept of category (Dialectical-materialistic analysis of the historical and philosophical tradition)”, Abstract of Ph.D. dissertation, ontology and theory of knowledge, Rostovskii gosudarstvennyi universitet, Rostov-na-Donu, RU.
12. Uglanova I. A., “Thinking about Aristotle’s categories”, Available at: http://psychosocling.narod.ru/uglanova_Aristotel.htm, (accessed 11 February 2017).
13. Asmus V. F., *Antichnaia filosofia* [Ancient classical philosophy], Vysshiaia shkola, Moscow, RU, 1976.
14. Aristotel', “Categories”, Available at: www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt, (accessed: 1 February 2017).
15. Kondrat'eva G. N., *Obobshchennost' kak strukturno-semanticheskaia kategoriia v sovremennom russkom iazyke* [Generalization as a structural and semantic category of the modern Russian language], Prometei, Moscow, RU, 1993.
16. Gal'perin I. R., *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of scientific investigation], 5nd ed., URSS, Moscow, RU, 2007.

17. Bulygina T. V., Krylov S. A., “A category”, *Lingvisticheskiĭ entsiklopedicheskiĭ slovar'* [An encyclopedia of linguistics], Sovetskaia Entsiklopediia, Moscow, RU, 1990, pp. 215–216, 385–386.

18. Slastnikova T. V., “Textual functions of the generalizing utterance (on a material of the French language)”, Ph.D. Thesis, Romance Languages, Moskovskii ordena Druzhby narodov gosudarstvennyi lingvisticheskiĭ universitet, Moscow, RU, 1992.

19. Bondarko A. V. (ed.), *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis* [A theory of functional grammar: Introduction, aspect, temporal localization, taxis], Librocom, Moscow, RU, 2013.

20. Vasil'eva E. A., “Referential peculiarities of articles in generalizing utterances in the modern French language”, Abstract of Ph. D. dissertation, Romance Languages, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, Moscow, RU, 1993.

21. Platonova E. N., “Grammatical means of creating a generalized meaning in proverbs”, Abstract of Ph. D. dissertation, Russian language, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, Moscow, RU, 2011.

22. Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [The utterance and its relation to reality], URSS, Moscow, RU, 2001.

23. Karpilovich T. P., *Modelirovanie protsessa smyslovoi kompressii teksta: kognitivno-diskursivnyi podkhod* [Modeling the process of the meaningful text compression: a cognitive-discursive approach], MSLU, Minsk, BY, 2003.

24. Troianskaia E. S., “On the problem of text cohesion and the explicit character of textual inferences (on the material of the German language)”, *Inostrannyĭ iazyk dlia nauchnykh rabotnikov: Teoriia i praktika prepodavaniia* [Foreign languages for scholars: Theory and practice of teaching], Nauka, Moscow, RU, 1978, pp. 212–230.

25. Mann W. C., Thompson S. A., “Rhetorical structure theory: description and construction of text structures. Natural language generation”, *New results in artificial intelligence, psychology and linguistics*, Martinus Nijhoff, Boston, US, 1987, pp. 85–95.

26. Zinevich N. V., “Retrospective relations of generalizing utterances”, *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. 1, Filologiya* = Minsk State Linguistic University Bulletin. Philology series 1, 2013, no. 1 (62), pp. 41–50.

Информация об авторе

Зиневич Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Беларусь). E-mail: nadzusha@gmail.com

Information about the author

Nadzeya V. Zinevich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: nadzusha@gmail.com